

Научная статья

УДК 330

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10802

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ КАК ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Семед Абакаевич Семедов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, sa-semed@mail.ru

Аннотация. Противодействие экстремизму в современном мире касается в большей степени задач пресечения распространения в обществе и в мире экстремистской и террористической идеологии. Задачи эти, особенно с учетом современных достижений в развитии информационных технологий, не менее важны, чем обеспечение военных или правоохранительных, судебных мер пресечения экстремистской и террористической деятельности. Экстремизм и терроризм представляют собой не только социально-политическое и криминологическое, но и в значительной степени политическое явление, оказывающее воздействие на международные отношения во всем мире, а также в отдельных его регионах. В связи с этим возникает необходимость объективного анализа различных факторов, влияющих на развитие этих негативных явлений, и разработки механизмов их нейтрализации как на территории Российской Федерации, так и в мире. Сотрудничество научных деятелей с религиозными архиважно в условиях нарастающей поляризации в современном мире и крайней радикализации международных отношений, а также в связи с очередной волной политизации религии в современном мире. Экстремизм в периоды турбулентности международных отношений становится действенным инструментом политической борьбы в международных отношениях и мировой политике. Борьба с экстремизмом является важнейшей задачей в стратегии национальной безопасности Российской Федерации, особенно в контексте специальной военной операции (СВО) на Украине и изменения роли и места России в современной системе международных отношений. Русофобия и политика «отмены России», проводимая западными странами во главе с США — одна из изощренных форм экстремизма, целью которой является дискредитация России как великой державы и великой цивилизации. Ислам как важнейший элемент социальной структуры российского общества играет интегративную и консолидирующую роль в отстаивании национальных интересов России, а также в противодействии экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: международное сотрудничество, терроризм, экстремизм, религия, ислам, особенности современного международного терроризма, экстремистская идеология, политизация религии, радикализация международных отношений, специальная военная операция

Для цитирования: Семедов С. А. Противодействие экстремизму и терроризму как проблема национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 8 (466). С. 10–20. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10802

Original article

THE POLICY OF COUNTERTERRORISM AND COUNTEREXTREMISM AS THE PROBLEM OF NATIONAL SECURITY

Semed A. Semedov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, sa-semed@mail.ru

Abstract. Counterextremism policy in the modern world mostly concerns prevention of spreading of extremism and terrorism ideology in the society and the world. Bearing in mind modern achievements in the development of information technologies, these tasks become no less important than providing military, law enforcement or judicial measures for extremism and terrorism clampdown. Extremism and terrorism are social, political and criminal phenomenon, but also a political one, which influences international relations on regional and international levels. Thus, there arises a need for analysis of different factors having an influence on the development of these negative phenomena and creation of mechanisms for their neutralization on the territory of the Russian Federation as well as

in the whole world. The cooperation of scientists and religious leaders is believed to be of paramount importance since we can observe growing polarization and extreme radicalization of international relations as well as the rising tide of politicization of religion in the modern world. Extremism during headwinds periods in international relations becomes an effective tool of political struggle in international relations and world policy. Counterextremism policy is one of the most important tasks within the Russian National Security Doctrine, especially in the scope of special military campaign in Ukraine and changing the place and role of Russia in modern international relations. Russophobia and the policy of “cancelling Russia”, which is being held by US-led western countries, can also be considered as one of the smartest forms of extremism, the main aim of which is to bring discredit on Russia being a great state and a great civilization. Islam as one of the most important elements of the structure of the Russian society plays an integral and consolidating power in upholding of Russian national interests as well as pursuing a policy of counterextremism and counterterrorism.

Keywords: international cooperation, terrorism, extremism, religion, Islam, peculiarities of modern international terrorism, ideology of extremism, politicization of religion, radicalization of international relations, special military campaign

For citation: Semedov SA. The Policy of Counterterrorism and Counterextremism as the Problem of National Security. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(8(466):10-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10802

Объектом исследования являются исследование методов и средств противодействия экстремизму и радикализму в условиях современных геополитических реалий и с учетом международной практики.

Цель работы: провести комплексное научное исследование, направленное на выявление причин распространения религиозных экстремистских идей и подготовить рекомендации для государственных структур РФ, формирующих систему региональной и национальной безопасности с учетом анализа международного опыта и новых трендов в данной сфере.

Методы исследования: системный подход, общеисторические методы, структурно-функциональный анализ, уровневый-секторальный анализ и междисциплинарный подход и др.

Устойчивое развитие государств во многом зависит от того, насколько эффективно они будут противостоять экстремизму и терроризму во всех их проявлениях в регионе. Многие государства современного мира и международное сообщество в целом сегодня сталкиваются с нарастающими угрозами распространения экстремизма и терроризма как его крайней формы выражения. Координация действий государств усложнилось значительно после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине. Однако задолго до СВО в западном мире поднялась волна русофобии, как одна из изолированных форм экстремизма. Русофобия имеет многовековую историю, однако в 2022 году она переросла в навязываемую коллективным западом миру «отмену России», перечеркивание роли и значения и вклада великой русской культуры в мировую.

Информационная война, навязанная РФ, требует адекватного и квалифицированного противодействия на основе великой культуры народов России, наших ценностных представлений. В этом активно участвуют российские ученые и педагоги, богословы и преподаватели религиозных учебных заведений. Одним из важных мероприятий, проводимых Челябинским государственным университетом под патронажем Правительства Челябинской области и Центрального духовного управления мусульман России, являются «Расулевские чтения», связанные с духовным наследием выдающегося богослова и ученого Зайнуллы Расулева (1833–1917). Тема конференции 2022 года — «Единство авраамических посланий — профилактика экстремизма и радикализма, противодействие терроризму» предполагает тесное межконфессиональное и межнациональное взаимодействие в профилактике и противодействии религиозному экстремизму и радикализму. З. Расулев жестко критиковал ваххабизм и их предшественника — Ибн-Таймийя Таки ад-дин Ахмада (1263–1328). Шейх Зайнулла отмечает, что «Ибн Таймийя и его сторонники допустили много ошибок... Ваххабиты слишком далеко зашли и перешли все рамки» [12].

Важнейшей задачей интеллектуальной элиты России на очень сложном этапе развития нашей страны является жесткое отстаивание национальных интересов России на всех уровнях и во всех сферах. Особенно значимой нам представляется задача отстаивания национальных интересов и национальной идентичности в сфере образования, культуры. Очень важно участие деятелей образования, науки, культуры, богословов, теологов в выработке философии антиэкстремизма,

общих критериев определения радикализма, экстремизма, терроризма, так как различие в понимании тех или иных понятий и категорий предполагает и различные способы решения проблем.

Использование религии в политических целях — явление, часто встречающееся в истории человечества. Однако векторы развития общества во многом определяются тем, как происходит процесс взаимодействия религии и политики в конкретный период развития общества. Как справедливо отмечает известный российский религиовед А. В. Митрофанова: «Религии не похожи между собой, но религиозно-политические движения, возникающие на их основе, похожи не только друг на друга, но и на остальные массовые политические движения... Идеологии, посредством которых происходит политизация религии, тоже имеют много общего» [6, с. 11]. Нам кажется важным определить значение понятий «религия» и «политическая религия». В основе всех более чем 200 определений «религии» — вера. В этом едины все авторы разных интерпретаций этого феномена. Термин «политические религии» был впервые использован немецким учёным Э. Фёгелином (1938 г.), который называет политическими религиями тотальные идеологии, подобные коммунизму, фашизму и национал-социализму. «Политическая религия» не представляет собой религию в собственном смысле этого слова: это идеология, обладающая всеми признаками религии, но она не всегда предполагает веру в Бога.

Наличие ритуалов, имитирующих религиозные, превращает некоторые идеологии в «религии». Единого мнения по поводу того, что считать «политической религией» в гуманитарной науке нет. Р. Арон предложил термин «мирские религии», Н. Бердяев рассматривал социализм как религию, другие исследователи (Б. Тибби, Дж. Хейнс, Р. Сикоев, Г. Мирский, С. Бабакин) рассматривают политическую религию как использование религии в политических целях. И. П. Добаев применяет термин «исламский радикализм» (а также «исланизм», «политический ислам» и «политизированный ислам») для обозначения «радикальной и превращенной» формы ислама, включающей идеологическую доктрину и основанную на ней социально-политическую практику, которая трансформирует религию в идеологический инструмент, оправдывающий насилие [4, с. 9]. Использование Добаевым словосочетания «превращенная форма» показывает, что «исламский радикализм» в его понимании является «не настоящим» исламом, но отклоне-

нием от ислама, ересью. В своей работе он отделяет «нормальную» религию (религию-веру) от религии «аномальной» (религии-идеологии). Только «нормальный» фундаментализм (религия-вера), по его мнению, «имеет право на существование» [4, с. 34–35]. На наш взгляд, если даже «нормальные» формы религии можно отличить от «аномальных», светский ученый сделать этого не может (для него все формы религии «нормальны» в качестве объектов изучения). Возможно, такое различие смог бы провести грамотный богослов, признанный авторитет среди большинства сторонников своей религии, но даже в этом случае найдутся сторонники «аномальной» версии, которые считают ее не просто нормальной, но и единственно правильной. «в случае с исламом, — пишет А. В. Малашенко, — разумно исходить не из того, насколько их представления о религии соответствуют взглядам их соперников, но из их самовосприятия» [5, с. 56], а они считают себя истинными мусульманами. Мы не берем на себя ответственность за отделение «правильного» ислама или «правильного» православия от «неправильного». До тех пор, пока политическая религия не имеет с исходной религией кардинальных расхождений в сфере как ортодоксии, так и ортопраксии, ее представители могут считаться «истинными» мусульманами, православными, сикхами и т. д. на вполне законном основании. Мы не видим доказательств в пользу утверждения, что религиозно-политические движения лишь «прикрываются» религией. «Исламисты не циничные прагматики, для которых религия есть прежде всего инструмент достижения конкретных целей или средство удовлетворения своего самолюбия. Нет, они на самом деле служат своим идеалам, во имя которых готовы идти на немалые личные жертвы, в том числе сознательно рисковать своим благополучием и жизнью» — отмечает А. В. Малашенко [5, с. 54–55].

Несмотря на то, что религиозные идеологии лишь отдалённо напоминают исходные религии, именно они служат «основой массовых политических действий». Политическим религиям присуща дуалистичность восприятия мира как арены противостояния «своих» и «чужих», причастных небесному и отвергающих его. Раздел, в их понимании, проходит не между православными и неправославными, мусульманами и немусульманами, иудеями и неиудеями..., а между «нашими» и «всеми остальными». К «не-своим» относятся чаще всего иерархи данной религии, религиозные и государственные деятели, с чьими

идеями и делами представители «политических религий» не согласны. В то же время своими сторонниками они считают не только приверженцев своей религии, но и всех тех, кто их поддерживает: атеисты, представители других религий [8].

Наглядный пример радикализация религии в условиях обострения политических процессов мы видим на Украине. Это проявилось в нескольких аспектах: резком повороте Украинской православной церкви Московского патриархата в сторону правящего режима Киева, широком привлечении иерархов католической церкви к ситуации на востоке Украины, в том числе папы Римского Франциска, фактической легализации ультраправого «Правого сектора» и откровенно неонацистских «Азов», «Кракен»... Обострение политических процессов вызывает в обществе появление религиозно-политических идеологий и организаций, которые под религиозным прикрытием решают свои политические проблемы. Именно это мы видим в современной Украине.

В разных странах и в разные времена было дано много разных юридических и научных определений понятию «экстремизм». Единого определения на сегодняшний день не существует. Так, например, в Великобритании, экстремизм условно разделяется на «насильственный экстремизм» и «внутренний экстремизм». В законодательстве Франции также отсутствует понятие «экстремизм». Но при этом все деяния экстремистской направленности представляется возможным разделить на группы: политический экстремизм и религиозный экстремизм. В законодательстве Германии существует значительное количество норм, которые касаются преступлений экстремистской направленности, но само определение также и в иных европейских странах отсутствует.

Зарубежные исследователи, изучающие экстремизм и терроризм как формы организации и выражения насилия, в том числе и политического, исследуют проблемы определения международного терроризма, экстремизма, находя в его формах отчетливое сходство с такими явлениями, как «война» и «агрессия», или «суррогатная война», а сам акт международного терроризма приравнивается к агрессивной войне (Ж. Бодрийяр, А. Пфаль-Траугзер, У. Майнхоф) [15].

Российские ученые одними из первых стали считать терроризм не только политическим государством, но и социальным, имеющим свои корни. Существует достаточное количество междисциплинарных работ, посвященных причинам распространения экстремизма и терроризма, но

они касались вопросов терроризма в целом. Труды российских исследователей связаны с исследованием экстремизма и терроризма как историко-политической и международно-правовой категории политического характера. Наиболее крупные разработки были сделаны в научных трудах Е. С. Щерблякова, В. П. Емельянова, С. Ланцова, Е. П. Кожушко, М. Крешно, М. Непесова.

Крайним проявлением экстремизма является терроризм. Можно говорить о том, что экстремизм является неким «преддверием» терроризма, создает условия для проявления террористической активности, в том числе в отношении идеологической, идейной и пропагандистской подготовки индивидуальных террористов до стадии совершения самостоятельных террористических актов или присоединения к уже действующим террористическим группировкам, а также создания новых террористических группировок [11, с. 112–120].

Противодействие экстремизму касается в большей степени именно задач пресечения распространения в обществе и в мире экстремистской и террористической идеологии и пропаганды. Задачи эти, особенно с учетом современных достижений в развитии информационных технологий, не менее важны, чем обеспечение военных или правоохранительных, судебных мер пресечения террористической деятельности [7; 10].

Ведущая роль в борьбе с экстремизмом и терроризмом принадлежит компетентным органам государственной власти. Но для решения возникающих в ходе антиэкстремистской и антитеррористической деятельности задач необходимо системное участие различных институтов гражданского общества: заинтересованных неправительственных организаций, научных и деловых кругов, СМИ и интернет-сообщества, религиозных общин.

Одним из основных факторов сохранения и возрастания террористической активности является разобщенность государств, ставящих собственные геополитические интересы выше задачи отражения общих угроз. В принципиальном плане вопросы предупреждения терроризма, борьбы с его идейным и пропагандистским обеспечением, и в этих рамках задачи противодействия экстремизму нашли отражение в положениях глобальной контртеррористической стратегии ООН и профильных резолюций Совета Безопасности (СБ) ООН, прежде всего № 1624 2005 года, призывающей все государства к криминализации подстрекательства к совершению

террористических актов. В связи с этим весьма показательными являются попытки США объявить РФ государством, поддерживающим терроризм: 27 июля 2022 г. Сенат Конгресса США принял резолюцию, призывающую Госдепартамент признать Россию государством — спонсором терроризма. В документе поводом для соответствующего решения называют события в Чечне, Грузии, Сирии и на Украине. С призывом внести Россию в список к Вашингтону ранее обратился Киев. 28 июля о намерении внести аналогичный документ на рассмотрение Палаты представителей заявила группа конгрессменов от обеих партий. «Если такая инициатива будет реализована, это будет означать пересечение Вашингтонской точки невозврата с самым серьезным сопутствующим ущербом для двусторонних дипотношений вплоть до понижения их уровня и даже разрыва», — заявил в интервью ТАСС директор департамента Северной Америки МИД РФ Александр Дарчиев. Сейм Литвы 10 мая 2022 года принял резолюцию о признании России государством, которое «поддерживает и осуществляет терроризм», в связи с происходящими на Украине событиями. «Проголосовали все 128 присутствовавших депутатов», — говорится на сайте парламента. 2 августа 2022 года комиссия парламента Латвии по иностранным делам одобрила предложение признать РФ «государством, поддерживающим терроризм».

В 2017 г. международно-правовую базу противодействия идеологии экстремизма и терроризма удалось расширить за счет принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 2354, одобряющей всеобъемлющие международные рамки противодействия террористическим идеям и пропаганде. Этим был сделан существенный шаг на пути согласования национальных подходов государств в части предупреждения терроризма, создания необходимой политико-правовой основы для укрепления международных усилий на данном направлении.

Россия последовательно выступает за дальнейшее развитие такой деятельности и еще в октябре 2016 г. предложила проект резолюции Совета Безопасности ООН по борьбе с террористической идеологией, который развил бы положения резолюции № 1624 через универсальную и обязательную криминализацию террористического подстрекательства, т. е. любого касающегося сферы гласности действия, в том числе распространения, разъяснения и оправдания идей, взглядов, мнений, ведущих к терроризму или террористи-

ческому действию. Проект остается актуальным российским предложением и будет служить основой для российского вклада в международное антиэкстремистское и контртеррористическое сотрудничество [9, с. 6].

Россия обладает уникальным ресурсом противодействия экстремизму и терроризму, заключающимся как в многолетнем опыте системной организации противодействия экстремизму и терроризму с участием всех компетентных ведомств и всех уровней власти при координирующей роли Национального антитеррористического комитета, так и в постоянном широком задействовании возможностей эффективного подключения к задачам антиэкстремизма и контртерроризма авторитетных традиционных конфессий, образовательных и научных организаций, других элементов гражданского общества, в том числе в формате государственно-частного партнерства на основе утвержденной Президентом Российской Федерации в ноябре 2014 г. Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Этот опыт заслуживает изучения зарубежными и международными партнерами [10, с. 103].

Важным шагом в международном антиэкстремистском и контртеррористическом сотрудничестве является разработанная при ведущем участии России и Китая Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, подписанная в июне 2017 г. на встрече глав государств ШОС. Данный договор в настоящих условиях может служить стандартом адекватного видения антиэкстремистских и антитеррористических задач, профильного международного сотрудничества государств-единомышленников. Его главная установка отличается соответствующим современным условиям пониманием и определением угроз экстремизма. При этом в качестве фактора дестабилизации ситуации в современных государствах определяются не только насильственные проявления, но и идеологическая и пропагандистская составляющие экстремизма. Конвенция открыта для присоединения государств, не входящих в ШОС.

Экстремизм и терроризм представляют собой не только социально-политическое и криминологическое явление, но и в значительной степени политическое явление, оказывающее воздействие на международные отношения во всем мире, а также в отдельных его регионах. В связи с этим возникает необходимость объективного анализа различных факторов, влияющих на

развитие этих негативных явлений, и разработки механизмов их нейтрализации.

В условиях активизации деятельности различных экстремистских и террористических организаций актуальным представляется изучение вопросов организации противодействия им на территории Российской Федерации. Российский опыт, как уже указывалось, имеет актуальность и в международном отношении. Также актуальным является изучение информационного противодействия терроризму, экстремизму и проявлениям экстремизма в молодежной среде.

Для выработки правовой основы противодействия терроризму и экстремизму государствам необходимо опираться на международное право в сфере противодействия и профилактики экстремизма и терроризма. В современном мире уже есть комплекс международных соглашений в этой сфере. Правовую основу международного антиэкстремистского и антитеррористического сотрудничества составляют международные конвенции по противодействию терроризму. Общее их количество в современном международном праве — несколько десятков. Отметим лишь те, которые были приняты в 2000-е гг.:

– Шанхайская конвенция о совместной борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 18 июня 2001 г. ее подписали Российская Федерация, Китай, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан. Вступила в силу 29 марта 2003 г. Ею было предусмотрено создание антитеррористического центра со штаб-квартирой в Бишкеке;

– Международная конвенция ООН «О борьбе с актами ядерного терроризма» 2005 г.;

– Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.;

– Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма 2005 г. [3, с. 862–876].

Одной из характерных черт современной международной ситуации является то, что при отсутствии в мире в настоящее время крупномасштабных войн, большинство из существующих государств находятся в состоянии войны, объявленной им международными террористическими организациями. Современный терроризм, являющийся крайним выражением экстремистской идеологии в различных ее вариантах, стал серьезной угрозой в международном масштабе.

В этой войне государственной власти противостоят небольшие вооруженные формирования,

в основном состоящие из гражданских лиц, вооруженных, как правило, стрелковым оружием, гранатометами, взрывчаткой, часто кустарного изготовления. Некоторые, наиболее крупные организации, типа действующих на территории Сирии и Ирака ИГИЛ и близких ей по идеологии организаций, или боевых отрядов «Хезболлах» и «ХАМАС» (вопрос о террористическом характере последних двух организаций дискуссионный, тем более «ХАМАС» на сегодняшний день — парламентская партия в Палестинской Автономии, а «Хезболлах» — один из самых активных участников борьбы против ИГИЛ — Исламского государства Ирака и Леванта- организации, запрещенной на территории РФ) на территории Ливана, имеют на вооружении артиллерию, танки, ракетные установки.

Костяк террористической организации обычно составляет небольшое количество людей, жестко ориентированных на использование насильственных действий ради достижения политических целей. При этом для легитимации, а в случае религиозной мотивации — сакрализации их действий, им служит экстремистская идеология. Мобилизацию новых членов они осуществляют, в первую очередь, среди молодежи, не обремененной социальным опытом, не имеющей четких мировоззренческих установок, и при этом недовольной своим социально-экономическим положением, возможностями самореализации.

Главную роль в борьбе с международным терроризмом играют специальные службы, добывающие сведения о расположении баз и явочных квартир, структуре и составе террористических организаций, источниках финансирования, наносящие превентивные удары по террористам, планирующим совершение терактов, уничтожающие их лидеров и активных участников. Для достижения успеха спецслужбы должны ориентироваться на предупреждение террористических актов. Для этого им необходима полнота информации о структуре, численности, задачах, специфике террористической организации. Важным фактором успеха деятельности спецслужб является координация их деятельности друг с другом.

При всех успехах российских и зарубежных спецслужб в борьбе с терроризмом практика показала, что одних силовых мер решения этой проблемы недостаточно. Необходимо прекратить пополнение террористического подполья новыми членами, рекрутирование новых исполнителей террористических актов. Борьба США против экстремизма носит символический характер.

Многое в этом направлении сделано с упором на повышение имиджа США как главного борца против международного терроризма и экстремизма: символическое и жесткое уничтожение Ракки в Сирии — «столицы Исламского государства» в стиле уничтожения в 1945 году авиацией США и Великобритании Гамбурга и Дрездена, убийство лидеров наиболее одиозных террористических организаций. В 2001 году, вскоре после крупнейшего террористического акта против США, была реализована одна из форм легитимации пресловутой «гуманитарной концепции» — наказание за террористическую деятельность. В итоге фактически происходит смена режима талибов в Афганистане на проамериканский. При этом, необходимо отметить, что из 21 участника террористического акта в Нью-Йорке 15 были гражданами Саудовской Аравии?! Усама бен Ладен (1957–2011) — руководитель «Аль-Каиды» был убит американским спецназом 2 мая 2011 года, что значительно повысило рейтинг президента Б. Обамы. Айман аз-Завахири (1951–2022) был символом группировки спустя 11 лет после того, как США убили его предшественника Усаму бен Ладена. Американцы организовали убийство лидера «Аль-Каиды» (запрещенная в России террористическая организация) Аймана аз-Завахири в результате удара беспилотника в Афганистане 31 июля 2022 года.

Российский опыт показывает возможность решения проблемы терроризма на национальной и религиозной основе путем сочетания жесткого силового подавления террористической деятельности вооруженного подполья в сочетании с целенаправленной деятельностью по улучшению социальных и экономических условий жизни населения.

В борьбе с международным терроризмом необходимы тесное сотрудничество и координация в работе профильных структур государств. Важным направлением в этом отношении является деятельность по выявлению и прекращению функционирования каналов финансирования международных террористических организаций.

В настоящее время известны следующие каналы их финансирования:

1. Спонсорская помощь со стороны конкретных лиц, занимающихся бизнесом и поддерживающих террористов. Они совершенно легально переводят средства на счет различных организаций, официально, в соответствии с их уставом, занимающихся защитой прав национальных и/или религиозных меньшинств. Часть этих средств тра-

тится на резонансные пиар-акции, остальные напрямую идут на финансирование террористических организаций.

2. Поступление средств из разных благотворительных фондов, в основном находящихся в нефтедобывающих арабских странах Персидского залива. Большинство из них созданы на нефтедоллары и существуют в нефтедобывающих странах Ближнего и Среднего Востока. В частности, в Саудовской Аравии, Иордании, Объединенных Арабских Эмиратах. Эти деньги направляются преимущественно исламским террористическим группам, ведущим борьбу за установление в своих странах исламского законодательства.

3. Средства, поступающие из фондов, созданных за счет незаконной торговли оружием, редкоземельными металлами, драгоценными камнями, продажи наркотиков.

4. Средства из фондов, существующих за счет отчислений от легитимной экономической деятельности, например, торговли йеменским медом, которая является прикрытием для поставки наркотиков, оружия, переправки боевиков.

5. Использование неформальной системы «хавала», распространенной в арабских странах, основанной на взаимном доверии проведении финансовых операций без отражения их в бумажном или электронном обороте. Этот способ расчета очень удобен для террористов, передвигающихся по миру, поскольку позволяет осуществлять финансовый оборот без оставления следов [9, с. 92–93].

Известны и иные каналы финансирования террористов, в том числе передачей денег от спонсоров через специальных курьеров.

В ряде республик Северного Кавказа в последнее десятилетие получила практика подкидывания флэшек местным предпринимателям с указанием суммы, которую им надлежит выплатить представителям той или иной бандгруппы на ведение джихада — по сути дела, обычный рэкет, прикрываемый идеей «священной войны». Наряду с этим ряд местных чиновников брал на содержание определенные террористические ваххабитские группировки, получая таким образом инструмент силового давления на конкурентов и недовольных. Таким образом, примерно с середины нулевых основное финансирование террористическое подполье на Северном Кавказе получало изнутри. Благодаря действиям федеральных органов исполнительной власти эти внутренние каналы финансирования террористов оказались в основном перекрыты и ликвидированы.

Если выйти за рамки нашей страны, то международное сообщество в целом сумело перекрыть часть каналов финансирования терроризма, но достичь полной ликвидации их не смогло. Современная банковская система не позволяет полностью отследить передвижение средств, поскольку отсутствуют критерии определения денег, направляемых для финансирования террористических операций, среди тех сумм, которые проходят по другим ежедневным банковским операциям.

Борьба с экстремизмом и терроризмом должна включать в себя как силовые, так и мягкие методы борьбы, комбинируя их. В их число входят:

– военные и специальные операции, направленные на уничтожение террористов и разгром их баз;

– экономическая поддержка слаборазвитых стран, направленная на развитие национальной экономики, создание новых рабочих мест, повышение эффективности управления;

– развитие системы образования в соответствии с современными требованиями, в том числе в области информационных технологий, строительство средних и высших учебных заведений. Особое внимание развитию именно светской системы образования;

– демократизация общественной жизни, либерализация политической системы, формирование легальной оппозиции [9, с. 93–94].

Следует отметить, что использование политических и экономических мер борьбы с терроризмом является необходимым условием организации эффективного противодействия ему в сочетании с остальными, в том числе военными и специальными, методами.

При широком спектре мнений о характере современного международного терроризма как глобальной угрозе и вызову мировому сообществу, можно выделить некоторые основные особенности современного терроризма:

1) изменение мотивации: если ранее террористические акты совершались против политических и классовых врагов, то в настоящее время терроризм стал средством разрешения национальных и религиозных противоречий;

2) жертвами терроризма становятся, в первую очередь, мирные люди, что ещё раз подтверждает его опасность;

3) возникновение новых форм проявления терроризма. Создаются группы, которые с помощью терроризма борются за защиту окружающей среды. Такой терроризм можно назвать экологическим;

4) рост динамики террористических актов и увеличение количества жертв терроризма. Современные террористы стремятся к массовым жертвам;

5) терроризм становится анонимным. Часто сразу никто не берёт на себя ответственность за совершение самых жестоких и масштабных террористических актов. Это наблюдалось при взрыве жилых домов в России, так же поступили реальные организаторы террористических актов в США. Интересно то, что ответственность за террористические акты 11 сентября 2001 г. в США первой взяла на себя японская террористическая организация «Красная армия», которая не имела никакого отношения к этому террористическому акту;

6) изменение масштабов террористической деятельности. На смену индивидуальному и групповому приходит международный терроризм;

7) стремление террористов использовать новые средства для запугивания людей и целых государств. Особую опасность могут представлять террористические посягательства с использованием ядерных и иных средств массового поражения. На современном этапе это явление превратилось в фактор, серьёзно дестабилизирующий нормальное развитие международных отношений [9, с. 20].

При определенных успехах России, США, западных государств в борьбе с международным терроризмом еще рано говорить о победе мирового сообщества над одним из агрессивных акторов международных отношений — международным терроризмом. Активизация экстремистских организаций по периметру границ России (Афганистан, в первую очередь, события в Сирии и Ираке), их активность в регионе, наличие социальных, этнических, конфессиональных и иных проблем — все это должно привести к созданию единых критериев определения «терроризма», «экстремизма», единых правовых подходов к профилактике данных явлений. Без выработки единой антитеррористической и антиэкстремистской межгосударственной политики сложно противостоять международному терроризму.

Борьба с экстремизмом и терроризмом сложна, многопланова, требует системного и комплексного подхода. Существующий опыт и политические реалии свидетельствуют о том, что без продуманного сотрудничества стран на постоянной основе эта проблема не может быть решена. Опыт ряда современных государств, в том числе Российской

Федерации, показывает, что победить терроризм в одной, отдельно взятой стране можно, но для победы над ним в международном масштабе требуется осознание общей, угрожающей всем опасности и постоянные системные усилия в этом направлении. «Лучшее из времен наступает тогда, когда живы великие тени прошлого, когда они за просто приходят в нашу жизнь, как старые и добрые знакомцы, когда они как бы творят на наших глазах, когда не только нам хорошо с ними, но и им хорошо с нами. Преемственность человеческой культуры, эстафета разума не может быть прерванной» [1, с. 11]. Хочется верить в то, что путь человечества — это путь разума и приумножения не только знаний, но и мудрости, которая взвешивает на весах времени добро и зло из прошлого человечества и учитывает опыт многих поколений прошлого для улучшения не только материального, но и духовного состояния человеческого общества.

Турбулентность современных международных отношений, пересмотр правил поведения акторов мировой политики и международных отношений, изменение видов, форм и методов дипломатии... все это не способствует координации действий государств по профилактике экстремизма и борьбе с ним. Усложнение взаимоотношений между участниками международных отношений, размытость границ между легитимностью и нелегитимностью, практическое отсутствие в международных отношениях нравственных критериев способствует тому, что все больше и больше в современном мире используются экстремизм и терроризм как инструменты политической борьбы. При этом формы и методы их использования ста-

новятся все более изощренными и технологичными. Терроризм и экстремизм все больше завоевывают виртуальный мир. Выработка единых критериев определения «экстремизма» и «терроризма» остается главной проблемой в международном сотрудничестве государств в борьбе с их проявлениями.

Необходимо комплексно и едино подходить к решению следующих задач: с учетом роста радикализации, угрозы экстремизма в молодежной среде во всем мире требуется объединить усилия государств, а также усовершенствовать все международное законодательство в целом, выработать единый подход к пониманию терминов «радикализм», «экстремизм».

Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) сказал: «Не относится к нам тот, кто призывает к нетерпимости. И не относится к нам тот, кто сражается, побуждаемый нетерпимостью. И не относится к нам тот, кто умер в своей нетерпимости» [цит. по: 16]. Тесное сотрудничество между конфессиями и различными этносами, социальными группами — залог успешной борьбы с экстремизмом во всех его проявлениях. Безопасность нашего государства во многом зависит от успешной борьбы против радикализма и экстремизма. Общество вместе с государственными органами должно выработать идеологию антирадикализма для успешного продвижения вперед во всех областях. Авраамические религии едины в своей борьбе против религиозного и этнического экстремизма. «Aurea mediocritas» здесь в единых критериях подхода к понятиям «добро» и «зло», к общим ценностям гуманности и человечности.

Список источников

1. Брэдбери Р. Память человечества. М. : Книга, 1982. 240 с.
2. Буганов А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность // Историческая память и российская идентичность ; под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М. : РАН, 2018. С. 35–51.
3. Драйт А. Э. Международное сотрудничество в целях борьбы с терроризмом // Научные достижения и открытия современной молодежи : сборник статей победителей Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза : Наука и просвещение, 2017. Ч. 2. С. 862–876.
4. Добаев И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ // Южнороссийское обозрение. 2002. № 7. С. 9.
5. Малащенко А. В. Исламская альтернатива и исламский проект. М. : Изд-во «Весь мир», 2006. 221 с.
6. Митрофанова А. В. Политизация «православного мира». М. : Наука, 2004. 293 с.
7. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб : Питер, 2006.
8. Семедов С. А., Мациевич И. В. Политические религии в современном мире // Вестник Института социологии РАН. 2012. № 4. С. 36–49.

9. Семедов С. А., Лаза В. Д. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современном мире : учеб. пособие для вузов. М. : Изд. дом «Проспект» : РАНХиГС, 2020.
10. Тенгизова, Ж. А. Вопросы взаимодействия в противодействии экстремизму и терроризму // Черные дыры в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 103.
11. Шустова К. В. Проблема соотношений понятий «терроризм» и «экстремизм» // Теоретические и практические аспекты правовых отношений : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. ; отв. редактор: А. А. Сукиасян. Уфа, 2015. С. 112–120.
12. Шейх Зайнулла Расулев. Божественные истины / сост., коммент., перевод И. Р. Насырова. Уфа : Китап, 2008. 236 с.
13. Baizakova K. I., Kukeyeva F. T., Baizakova Zh. et al. The Challenge of change for the legal and political systems of Eurasia. Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, 2020. 314 p. ISBN 978-2-8076-1384-3. DOI: 10.3726/b16535.
14. Baizakova K. I., Kukeyeva F. T. etc. Republic of Kazakhstan // Foreign Policies of the CIS State: Comprehensive Reference. — Lunne Rienner Publishers, USA, 2019.
15. Dyusebayev D. China's One Belt-One road Initiative: Perspectives for Kazakhstan // Сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. «Логистика и дипломатия». Алматы, 2018. С. 85–94.
16. Социальная доктрина российских мусульман. М. : Исламская книга, 2017.

References

1. Bredbery R. Memory of mankind. Moscow: Kniga. 1982. (In Russ.).
2. Bugarov AV. Russians at the beginning of the 21st century. In: Istoricheskaya pamyat' i etnokul'turnaya identichnost' = Historical memory and ethno-cultural identity. Moscow: 2018. Pp. 32–21. (In Russ.).
3. Drayt AE. International cooperation to combat terrorism. In: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Nauchnyye dostizheniya i otkrytiya sovremennoy molodezhi" = International Scientific and Practical Conference "International Scientific and Practical Conference": proceedings. Penza: Science and education; 2017. Part 2. Pp. 862–876. (In Russ.).
4. Dobaev IP. Islamic Radicalism: Social and Philosophical Analysis. Islamskiy radikalizm: sotsialno-filosofskiy analiz. *Yuzhnorossiyskoye obozreniye = South Russian Review*. 2002;(7):9. (In Russ.).
5. Malashenko AV. Islamic alternative and Islamic project. Moscow: Ves mir; 2006. 221 p. (In Russ.).
6. Mitrofanova AV. Politicization of the "Orthodox world". Moscow: Nauka; 2004. 293 p. (In Russ.).
7. Olshansky DV. Psychology of terrorism. St. Petersburg: Peter; 2006. (In Russ.).
8. Semedov SA, Matsievich IV. Political religions in the modern world. *Vestnik Instituta sotsiologii RAN = Bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. 2012;(4):36-49. (In Russ.).
9. Semedov SA, Laza VD. Religious and political extremism and terrorism in the modern world: textbook. Moscow: Prospect: RANEPА; 2020. (In Russ.).
10. Tengizova ZhA. Issues of interaction in countering extremism and terrorism. *Chernyye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve = Black holes in Russian legislation*. 2016;(4):103. (In Russ.).
11. Shustova KV. The problem of correlation between the concepts of "terrorism" and "extremism". In: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty pravovykh otnosheniy" = International Scientific and Practical Conference "Theoretical and practical aspects of legal relations". Ufa; 2015. Pp. 112–120. (In Russ.).
12. Sheikh Zainulla Rasulev. Divine truths. Ufa: Kitap; 2008. 236 p. (In Russ.).
13. Baizakova KI, Kukeyeva FT, Baizakova Zh. etc. The Challenge of change for the legal and political systems of Eurasia. Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien; 2020. 314 p. doi: 10.3726/b16535.
14. Baizakova K.I., Kukeyeva F.T. etc. Republic of Kazakhstan. Foreign Policies of the CIS State: Comprehensive Reference. Lunne Rienner Publishers, USA; 2019.
15. Dyusebayev D. China's One Belt-One road Initiative: Perspectives for Kazakhstan. In: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Logistika i diplomatiya" = International Scientific and Practical Conference "Logistics and Diplomacy". Almaty; 2018. Pp. 85–94.
16. Social doctrine of Russian Muslims. Moscow: Islamic book; 2017. (In Russ.).

Информация об авторе

С. А. Семедов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Международное сотрудничество» Института управления и регионального развития.

Information about the author

S. A. Semedov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the International cooperation department.

Статья поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 26.08.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.